
ЛЕКСИКОН КУЛЬТУРОЛОГИИ

УДК 130.2,168.522

DOI: 10.31249/hoc/2022.01.07

Глебкин В.В.*

«ЛЕКСИКАЛИЗАЦИЯ» ФОРМАЛЬНЫХ СТРУКТУР И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПРОЦЕСС ТРАНСЛЯЦИИ ТЕКСТОВ КУЛЬТУРЫ©

Аннотация. Заимствование определенной структуры и наполнение ее новым содержанием – модель, активно используемая для создания новых текстов и для эволюции культуры в целом. Выделение и описание таких моделей является важной чертой структуралистского взгляда на культуру. Однако жесткое разделение структуры и содержания не учитывает процессов «лексикализации» структуры. В данной статье выделяются два типа подобной «лексикализации», проиллюстрированные рядом примеров. Отдельное внимание уделяется теории общественного договора, возникновение и отдельные особенности которой также допускают рассмотрение в указанных рамках.

Ключевые слова: лексикализация; структурализм; типология; общественный договор; трансляция текстов культуры.

Получена: 07.07.2021

Принята к печати: 05.08.2021

---

* *Глебкин Владимир Владиславович* – доцент Школы актуальных гуманитарных исследований ИОН РАНХиГС, заведующий Отделением теории и истории мировой культуры школы № 1514, Москва, Россия, e-mail: gleb1514@gmail.com

Glebkin Vladimir Vladislavovich – Associate Professor at the School for Advanced Studies in the Humanities in ISS RANEPa, Moscow, Russia, e-mail: gleb1514@gmail.com

© Глебкин В.В., 2022

Glebkin V.V.

«Lexicalization» of formal structures and its influence on the process of translation of cultural texts

Abstract. Borrowing a certain structure and filling it with new content is a model widely used for creation of new texts and for the cultural evolution in general. The identification and description of such models is a significant feature of the structuralist view of culture. However, the strict separation of structure and content overlooks the process of «lexicalization» of the structure. This article distinguishes two types of such «lexicalization», illustrated by a few examples. Special attention is paid to the theory of social contract, the emergence and individual features of which can also be examined within this scope.

Keywords: lexicalization; structuralism; typology; social contract; propagation of cultural texts.

Received: 07.07.2021

Accepted: 05.08.2021

Поиск универсальных объяснительных моделей в гуманитарном знании – дело опасное и, в большинстве случаев, сомнительное. История структурализма (в частности, советского) – наглядное подтверждение этому. Представление о текстах и культуре в целом как саморазвивающихся системах, которые организуются и изменяются посредством пар оппозиций «центр – периферия», «непрерывное – дискретное», «правое – левое» и т.д. [напр.: Лотман, 1992, с. 11–109], элиминирует человека из процесса порождения и трансляции культуры и заметно искажает реальную картину. Тем не менее можно говорить о том, что отдельные тексты и системы текстов предоставляют обращающимся к ним носителям культуры определенный набор возможностей, некоторые из которых актуализуются в последующих текстах¹.

Данная статья исследует одну из таких возможностей, которая оказывается весьма продуктивной для создания текстов различного

---

¹ Эта идея выражена, в частности, в понятии потенциального текста [напр.: Глебкин, 2020].

типа, качества и сложности и которую можно рассматривать как имеющую универсальный характер. Исходной точкой для системного описания такой возможности стало наблюдение, представленное в монографии по советским ритуалам [Глебкин, 1998, с. 91–98, 121–140]: советские «ритуалы перехода», претендуя на принципиальную новизну и отличаясь от дореволюционных «ритуалов перехода» содержательно, воспроизводили основные элементы структуры этих ритуалов. Другими словами, при всех содержательных изменениях, между дореволюционными и советскими ритуалами перехода прослеживалась отчетливая связь на уровне структуры. Подобная связь имела место и при сопоставлении демонстрации и крестного хода. Для того, чтобы проиллюстрировать общий принцип, задающий типологический каркас для этих наблюдений, в указанной работе использовалась модель категорического силлогизма: группы высказываний – *Все люди смертны. Сократ человек. Сократ смертен* и *Все металлы электропроводны. Алюминий металл. Алюминий электропроводен*, – почти не пересекаясь лексически, воспроизводят общую для них структуру (первую фигуру категорического силлогизма, по Аристотелю).

Однако приведенная аналогия не вполне корректна и требует уточнения. Прежде всего, важным отличием упомянутых выше процессов от схемы Аристотеля является «лексикализация» формальных структур, т.е. наделение этих структур значением, превращающим их в аналог лексической единицы [о лексикализации см., напр.: Майсак, 2017, с. 64–68]. Можно говорить об осознанной и неосознанной лексикализации, задающих две базовые типологические модели (см. рис. 1 а–б).

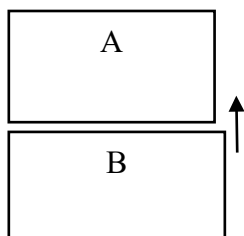

Рис. 1 а. Осознанная лексикализация

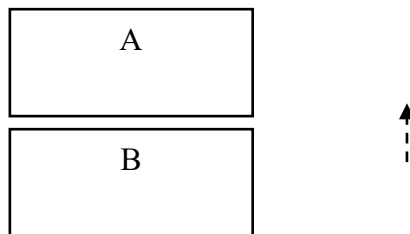

Рис. 1 б. Неосознанная лексикализация

Осознанная лексикализация

При осознанной лексикализации содержание А, помещенное в определенную структуру, наделяет эту структуру значением, которое учитывается автором, помещающим в ту же структуру содержание В, и исходя из авторского замысла, должно учитываться также читателем (зрителем, слушателем). Простейшим и широко распространенным примером лексикализации данного типа является написание нового текста, актуального в локальном контексте (юбилея, выпускного вечера, корпоратива и т.д.), на мелодию известной песни. Ниже в качестве иллюстрации приводится первый куплет песни, исполненной на выпускном вечере по окончании девятого класса в одной из московских школ:

Завершен девятый класс,
И напутствуем мы вас.
Хоть не раз еще увидите нас.
Пожелать хотим вам сил,
Чтоб попутный ветер был,
Чтоб никто из нас напрасно не грустил,

а также оригинал для сравнения:

Жил отважный капитан,
Он объездил много стран,
И не раз он бороздил океан.
Раз пятнадцать он тонул,
Погибал среди акул,
Но ни разу даже глазом не моргнул.

Легко заметить, что на лексическом уровне эти тексты не имеют пересечений, что коррелирует с приведенными выше силлогизмами. Однако в отличие от аристотелевской модели, в которой синтаксическая структура пуста и не обладает связью с наполняющим ее содержанием, в приведенном выше примере «синтаксическая» структура (функцию которой выполняют мелодия, поэтический размер и способ рифмовки) жестко связывается с содержанием оригинального текста, и на этом строится эффект подражания, осознаваемый как автором, так и слушателями.

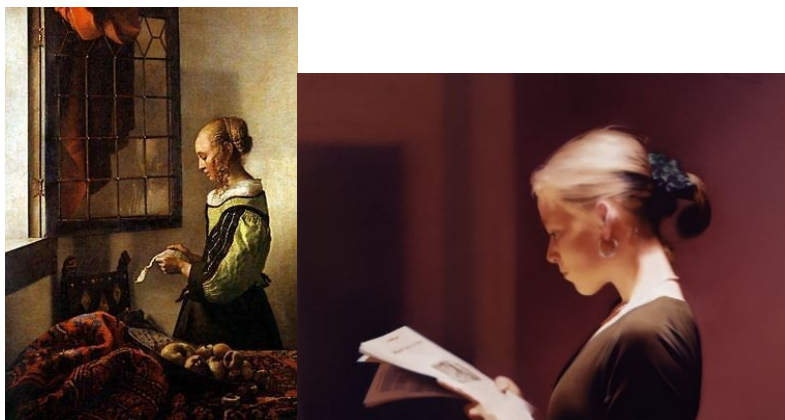

Рис. 2. Ян Вермеер. Девушка, читающая письмо перед открытым окном (слева); Герхард Рихтер. Читающая (справа)

Наряду с описанным выше «дилетантским» применением осознанная лексикализация является хорошо разработанным приемом и при создании вполне «статусных» произведений в литературе и изобразительном искусстве. Наиболее очевидно использование подобного приема в рамках эстетики постмодернизма, но он встречается и вне этих рамок. Избегая тривиальных примеров, я проиллюстрирую это утверждение обращением к живописи. На рис. 2 изображены картина Яна Вермеера «Девушка, читающая письмо перед открытым окном» (1657) и картина Герхарда Рихтера «Читающая» (1994). Можно заметить, что значимые элементы композиции Вермеера (в первую очередь, изображение читающей девушки) воспроизводятся Рихтером, но между этими композициями есть и принципиальные различия. Если девушка Вермеера встроена в мир и является частью большого целого (это подчеркивается ее отражением в стекле, изображением интерьера, открытым окном, перед которым она находится, да и самим фактом чтения письма, предполагающим коммуникацию с другим человеком), то на картине Рихтера окружающее пространство предельно размыто, и его героиня читает уже не письмо, а иллюстрированный журнал. Такое построение композиции дает Рихтеру возможность подчеркнуть одиночество современного человека, его замкнутость на себя и потерю связей с миром, которые были сущностно значимыми для человека XVII в.

Приведенная иллюстрация указывает на еще одно важное отличие от модели категорического силлогизма, рассмотренной в начале статьи. Композиция Рихтера воспроизводит не все элементы базовой структуры, а лишь их часть, сохраняет фокус, изменяя периферию. Другими словами, здесь для передачи «сросшегося» со структурой значения оказывается достаточным воспроизведение части структуры, которая фактически становится «лексической единицей». Об этом важно помнить при обсуждении второго типа лексикализации, к которому мы переходим.

Неосознанная лексикализация

Неосознанная лексикализация представляет собой модель, при которой наполнение «синтаксической» структуры определенным содержанием обычно не осознается зрителем (читателем, слушателем), и для выявления хранимого структурой значения требуются специальные усилия исследователя. При этом связь между образцами и создаваемым произведением может в определенной степени осознаваться автором, но важно подчеркнуть, что она не является элементом авторского замысла: автор не исходит из того, что отсылка к структурному прототипу значима для понимания произведения.

В качестве показательной иллюстрации такого типа лексикализации можно обратиться к хорошо исследованному сюжету: смысловой нагрузке пятистопного хорея в русской поэзии XIX–XX вв. После стихотворения Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...» с этим размером в русской поэзии начинает отчетливо связываться мотив дороги («Вот бреду я вдоль большой дороги...» Тютчева, «Выхожу я в путь, открытый взорам...» Блока и др.). Поэтому Пастернак не случайно (хотя, скорее всего, неосознанно) останавливается на пятистопном хоре, когда пишет своего «Гамлета» («Гул затих. Я вышел на подмости...»). Мотив жизненного пути определяет содержание этого стихотворения, и система смыслов, встроенная в избранную структуру, гармонично с ним коррелирует [см.: Jakobson, 1979, p. 465–466; Гаспаров, 2012, с. 329–344; Тартановский, 2000, с. 399–401].

Снова обращаясь к аналогии с категорическим силлогизмом, можно отметить, что, на первый взгляд, поэтический размер столь же «пуст» содержательно, сколь и любая фигура категорического силло-

гизма. Однако пятистопный хорей до Лермонтова и после него – две разные истории. После Лермонтова этот размер стал связываться с *системой смыслов*, которая отсутствовала ранее. Эта система смыслов актуализируется у «компетентного» читателя, даже если он не осознает этого. Мотив дороги – один из ключевых элементов этой системы, но не единственный.

Обращаясь к примерам неосознанной лексикализации в изобразительном искусстве, можно упомянуть о линии икона – парсуна – портрет в русской живописи XVII–XVIII вв. Сакрализация светских персон, отчетливо ощутимая в парсунах, достигалась на уровне композиционной структуры, «лексикализованной» в иконописной традиции. Подобную сакрализацию можно увидеть и в портретах XVIII в., не связанных непосредственно с линией «икона – парсуна». На рис. 3 изображены портрет императрицы Елизаветы Петровны кисти Гаспара Преннера (1754) и картина Якоба ван Эса и Хендрика ван Балена «Святое семейство в обрамлении гирлянды из цветов и фруктов» (1620–1630). Картина ван Эса и ван Балена встраивается в ряд характерных для европейской живописи XVII в. изображений евангельских сюжетов и персонажей в обрамлении цветочной гирлянды. Преннер, разумеется, знал об этой традиции, но в отличие от картины Рихтера, приведенной на рис. 2, соотнесение с ней не предполагалось обязательным для зрителя, данный портрет вполне самостоятелен. Тем не менее сакрализация образа, происходящая посредством «лексикализации» такой концептуальной структуры, осуществлялась на бессознательном уровне.

Рис. 3. Гаспар Преннер. Портрет императрицы Елизаветы Петровны (слева); Якоб ван Эс, Хендрик ван Бален. Святое семейство в обрамлении гирлянды из цветов и фруктов (справа)

Теория общественного договора

В заключение мне хотелось бы остановиться на сюжете принципиально иного рода, который может быть рассмотрен как иллюстрация модели неосознанной лексикализации. В силу его фундаментальности, у нас нет возможности обсуждать его здесь сколько-нибудь подробно, обращая ко всему массиву литературы, ему посвященному. Ниже будет намечена лишь основная идея без развернутого обоснования и аргументации.

Мне всегда казалось странным, что теория общественного договора в работах мыслителей периода раннего модерна и эпохи Просвещения представляет акт заключения этого договора как однократное действие, не привязанное жестко к временной оси. Такое действие соединяет два не связанных друг с другом устойчивых состояния и обеспечивает переход от одного состояния к другому. Одно из них называется естественным состоянием, второе – гражданским состоянием или цивилизацией. Гражданское состояние оценивается в целом как более совершенное, и даже сторонники «диссидентских» версий (например, ранний Руссо, автор трактата «Способствовало ли возрож-

дение наук и искусств улучшению нравов?») признают, что переход необратим и что обратное движение от цивилизации к естественному состоянию невозможно.

Предложенная модель с очевидностью аисторична. Очевидно, что в реальном измерении формирование цивилизации представляет собой долгий процесс¹, а выделенные состояния являются абстракциями, которые выражают предельную степень генерализации и крайне опосредованно соотносятся с реальной жизнью. У авторов, разрабатывающих разные варианты теории, сложно увидеть какие-либо попытки привязать акт общественного договора к конкретному историческому моменту. Обратимся в качестве иллюстрации к известному трактату Руссо, в котором момент заключения общественного договора определяется следующим образом:

«Я предполагаю, что люди достигли того предела, когда силы, препятствующие им оставаться в естественном состоянии, превосходят в своем противодействии силы, которые каждый индивидуум может пустить в ход, чтобы удержаться в этом состоянии. Тогда это изначальное состояние не может более продолжаться, и человеческий род погиб бы, не измени он своего образа жизни.

Однако поскольку люди не могут создавать новых сил, а могут лишь объединять и направлять силы, уже существующие, то у них нет иного средства самосохранения, как, объединившись с другими людьми, образовать сумму сил, способную преодолеть противодействие, подчинить эти силы одному движителю и заставить их действовать согласно» [Руссо, 1998, с. 207].

Как видно, объяснение Руссо носит физикалистский характер и не предполагает какой-либо реальной процедуры вычисления. Непонятно, как определить момент, когда силы, препятствующие людям «оставаться в естественном состоянии, превосходят в своем противодействии силы, которые каждый индивидуум может пустить в ход, чтобы удержаться в этом состоянии»².

Этот аисторизм идеи общественного договора отчетливо осознавался некоторыми знаковыми просвещенческими мыслителями.

---

¹ Можно вспомнить в этом контексте классическую работу Элиаса «О процессе цивилизации» [Элиас, 2001].

² Как уже отмечалось, это справедливо в целом и для других авторов, формулирующих иные подходы к общественному договору. Так, об аисторизме Гоббса см., напр.: [Филиппов, 2017, с. 17].

Так, Кант в статье «О поговорке “Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики”» характеризует общественный договор таким образом:

«Это и есть тот *первоначальный договор*, на котором только и можно основать гражданское, стало быть чисто правовое, устройство и учредить общность. – Однако этот договор (называемый *contractus originarius* или *Pactum sociale*) как объединение всех особых и частных волей в народе в одну общую и публичную волю (в целях чисто правового законодательства) нет нужды предполагать в качестве факта (более того, как таковой он вообще невозможен); как будто необходимо прежде доказать из истории, что народ, в права и обязанности которого мы вступили как его потомки, действительно когда-то совершил такой акт и должен был передать нам устно или письменно несомненное известие или документ об этом акте, для того чтобы мы могли считать себя связанными уже существующим гражданским устройством. Этот договор есть *всего лишь идея* разума, которая, однако, имеет несомненную (практическую) реальность в том именно смысле, что он налагает на каждого законодателя обязанность издавать свои законы так, чтобы они *могли* исходить от объединенной воли целого народа, и что на каждого подданного, поскольку он желает быть гражданином, следует смотреть так, как если бы он наряду с другими включил свой голос в эту волю» [Кант, 1994, с. 303–305]¹.

Подобная приверженность бинарной модели, принципиально дистанцирующейся от реального хода исторического процесса, требует своих обоснований. Не погружаясь здесь в анализ всей совокупности факторов, которые могли оказать на нее влияние, я хотел бы сосредоточиться на одном из них, на мой взгляд, ключевом и обычно не попадающем в фокус внимания. Такая же бинарная модель, разбивающая временную ось на два периода, соответствующих двум состояниям человеческого общества, со скачкообразным переходом от одного состояния к другому, становится определяющей для средневекового сознания. Событием, осуществляющим это разбиение, является Рождество Христово. Наиболее очевидное проявление указанного

---

¹ Я признателен Кириллу Васильеву, обратившему мое внимание на этот фрагмент.

факта – модель летоисчисления, глубоко вросшая в нашу повседневность, но за ней стоят и гораздо более глубокие онтологические основания. Фундаментальность отмеченной дихотомии проявляется, в частности, в «Божественной комедии» Данте. Единственным пороком ряда античных мыслителей, к которым Данте относится с безусловным пиететом, является то, что они не жили в «правильное» время, т.е. после рождения Христа. Именно поэтому Гомер, Платон, Аристотель и др. оказываются в первом круге ада, а не в раю и даже не в чистилище.

В целом можно увидеть определенную структурную общность между бинарной линейно-прогрессивной моделью времени, доминирующей в средневековой западной культуре, и моделью, разрабатываемой мыслителями Просвещения. Эта общность отражена на рис. 4.

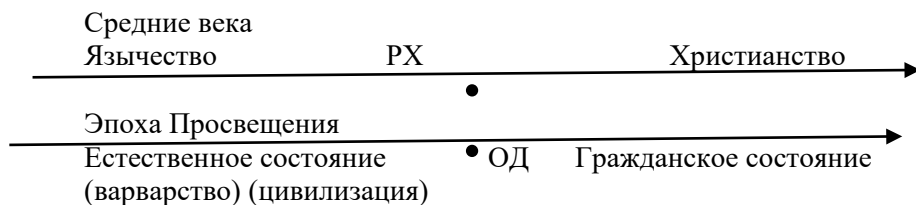

Рис. 4. Модель исторического времени, доминирующая в средневековой западной культуре, и модель исторического времени, базовая для эпохи Просвещения (РХ – Рождество Христово; ОД – общественный договор)

В обоих случаях мы видим необратимый скачкообразный переход от менее совершенного состояния к более совершенному. Воплощению и земному пути Христа в этой логике соответствует момент заключения общественного договора. И хотя просвещенческие и предпросвещенческие мыслители дистанцируются от религиозных параллелей при формулировании концепции (в частности, у Руссо, как мы видели, объяснение носит отчетливо выраженный физикалистский характер), она кажется работающей на бессознательном уровне. При этом определенные подтверждения указанной аналогии можно найти в просвещенческих текстах. Так, Оноре Мирабо во фрагменте, который считается первым употреблением слова *civilisation* в письменных текстах, непосредственно связывает цивилизацию с религией:

«Служители религии по праву занимают первые места в хорошо устроенном обществе. Религия, бесспорно, наилучшая и наиболее полезная узда человечества; это главная пружина цивилизации; она наставляет нас и беспрестанно напоминает нам о братстве, смягчает наше сердце и т.д.» [цит. по: Бенвенист 1974, с. 388].

Приводимая аналогия требует, однако, ряда оговорок и уточнений. Во-первых, кажется, что в отличие от общественного договора, земной путь Христа имеет конкретную привязку к историческому времени и конкретную хронологию, поэтому аналогия между РХ и ОД не вполне корректна. Однако при этом важно помнить, что земная история для средневекового сознания была символом небесной, она всегда включала в себя трансцендентный план. Это проявляется в концепции «шести веков» Августина, одной из системообразующих для средневекового исторического сознания, концепции «трех эпох» Иоахима Флорского и т.д. Модель общественного договора также вводится в трансцендентной перспективе, что наглядно демонстрирует приведенная выше цитата из Канта. На трансцендентном уровне параллель между РХ и ОД обретает более отчетливый смысл.

Во-вторых, с точки зрения средневекового сознания земная история конечна. Если использовать математические термины, она представляет собой вектор, начальная точка которого – момент сотворения мира и конечная точка – второе пришествие и следующий за ним Страшный суд. Этот эсхатологический аспект оказывается нерелевантным для историографии Просвещения, в которой вектор фактически превращается в прямую. Однако при этом важно подчеркнуть, что и в средневековой, и в просвещенческой модели состояния до и после точки перехода статичны, и переход не вырастает органически из накапливающихся изменений. В средневековой модели и первое, и второе пришествие представляют собой вмешательство трансцендентной силы в исторический процесс; в просвещенческой модели, несмотря на попытки вывести общественный договор из происходящих изменений (как это дает Руссо в приведенном выше фрагменте, опираясь на физикалистские аналогии), момент общественного договора оказывается по сути трансцендентным актом, разрушающим естественное состояние. Другими словами, различие между вектором и прямой не разрушает предложенной параллели.

Заключение

Проведенный анализ является лишь наброском, обозначающим общие рамки процесса лексикализации. Однако он указывает на важную особенность, обычно не учитываемую в рамках структуралистского подхода. Аналогия с категорическим силлогизмом, с которой начинались наши рассуждения, на первый взгляд вполне согласуется со структуралистской моделью: изначально заданная структура может наполняться различным содержанием, что приводит к появлению новых текстов в ее рамках. Однако такой подход не учитывает «лексикализации» структуры, в результате которой она «впитывает» содержательные моменты, и наполнение структуры новым содержанием ведет к содержательному диалогу, который бывает как осознанным, так и неосознанным. Такой диалог может проходить на разных уровнях и затрагивать разные аспекты культуры: от локальных до наиболее фундаментальных.

Список литературы

- Бенвенист Э.* Цивилизация. К истории слова // *Бенвенист Э.* Общая лингвистика / пер. И.В. Барышевой. – М. : Прогресс, 1974. – С. 386–398.
- Гаспаров М.Л.* Метр и смысл. – М. : Фортуна ЭЛ, 2012. – 418 с.
- Глебкин В.В.* Ритуал в советской культуре. – М. : Янус-К, 1998. – 168 с.
- Глебкин В.В.* Категория «потенциальный текст» и ее использование в теории культуры // *Вестник культурологии.* – 2020. – № 1. – С. 220–229.
- Кант И.* Сочинения. Трактаты и статьи (1784–1796) / пер. Н. Вальденберг. – М. : Камі, 1994. – Т. 1. – 586 с.
- Лотман Ю.М.* Избранные статьи. Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллин : Александра, 1992. – Т. 1. – 479 с.
- Майсак Т.А.* Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. – М. : Языки славянской культуры, 2017. – 480 с.
- Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре / пер. А.Д. Хаютина и В.С. Алексеева-Попова. – М. : КАНОН-пресс : Кучково поле, 1998. – 416 с.
- Тартановский К.Ф.* О поэзии и поэтике. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 432 с.
- Филиппов А.Ф.* Устройство власти в «Левиафане» Томаса Гоббса // *Гоббс Т.* Левиафан. – М. : РИПОЛ классик, 2017. – С. 5–45.
- Элиас Н.* О процессе цивилизации. – М. ; СПб. : Университетская книга, 2001. – Т. 1. – 336 с.; Т. 2. – 382 с.
- Jakobson R.* Selected writings. On verse, its masters and explorers. – The Hague ; New York : Mouton de Gruyter, 1979. – Vol. 5. – 623 p.

References

- Benvenist, Je. (1974). *Civilizacija. K istorii slova* [Civilization. To the history of the word]. In Benvenist Je. *Obshhaja lingvistika* [General linguistics], I.V. Barysheva (transl.), 386–398. Moscow : Progress. (In Russian).
- Elias, N. (2001). *O processe civilizacii. T. 1–2* [On the process of civilization. Vol. 1–2]. Moscow ; Saint Petersburg : Universitetskaja kniga. (In Russian).
- Filippov, A.F. (2017). *Ustrojstvo vlasti v «Leviafane» Tomasa Gobbsa* [The Device of Power in Thomas Hobbes «Leviathan»]. In Gobbs T. *Leviafan* [Leviathan], 5–45. Moscow : RIPOL klassik. (In Russian).
- Gasparov, M.L. (2012). *Metr i smysl* [Meter and meaning]. Moscow : Fortuna El. (In Russian).
- Glebkin, V.V. (1998). *Ritual v sovetskoj kul'ture* [Ritual in Soviet culture]. Moscow : Janus-K. (In Russian).
- Glebkin, V.V. (2020). *Kategorija «potencial'nyj tekst» i ee ispol'zovanie v teorii kul'tury* [The category «potential text» and its use in the theory of culture]. In *Vestnik kul'turologii* [Bulletin of Cultural Studies], (1), (pp. 220–229). (In Russian).
- Kant, I. (1994). *Sochinenija. T. 1. Traktaty i stat'i (1784–1796)*. [Works. Vol. 1. Treatises and articles (1784–1796)], N. Waldenberg (transl.). Moscow : Kami. (In Russian).
- Lotman, Ju.M. (1992). *Izbrannye stat'i. T. 1. Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury*. [Selected articles. Vol. 1. Articles on semiotics and typology of culture]. Tallin : Aleksandra. (In Russian).
- Majsak, T.A. (2017). *Tipologija grammatikalizacii konstrukcij s glagolami dvizhenija i glagolami pozicii* [Typology of grammaticalization of constructions with verbs of movement and verbs of position]. Moscow : Jazyki slavjanskoj kul'tury. (In Russian).
- Russo, Zh.-Zh. (1998). *Ob obshhestvennom dogovore*. [About the social contract], A.D. Khayutin & V.S. Alekseev-Popov (transl.). Moscow : KANON-press, Kuchkovo pole. (In Russian).
- Tartanovskij, K.F. (2000). *O poeziji i pojetike*. [About poetry and poetics]. Moscow : Jazyki russkoj kul'tury. (In Russian).
- Jakobson, R. (1979). *Selected writings. Vol. 5: On verse, its masters and explorers*. The Hague. New York : Mouton de Gruyter. (In English).